

ЛОГИКА В СИСТЕМЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

(к истории Харьковского университета)

История открытия Харьковского университета неразрывно связана с деятельностью профессорского-преподавательского состава философского факультета, который был восстановлен в наше время в 2001 году. Согласно европейской традиции образования, в ряду философских дисциплин доминирующее положение всегда занимали история философии, логика и этика.

Родоначальником харьковской университетской философской традиции [4; с. 34] является немецкий философ *Иоганн Баптист (Иван Егорович) Шад*, который работал в должности профессора в Харьковском университете с 1804 по 1817 годы. По воспоминаниям Д. И. Багалея, Шад был «человек большого и самостоятельного ума» [1; с. 52]. «Он воспитывался на выдающихся образцах классической литературы и прекрасно владел стилем как своего родного немецкого, так равно и латинского языка. К этим внешним данным изложения присоединялась ещё несокрушимая логика его ясного светлого ума и страстное воодушевление предметом изложения, который был ему чрезвычайно дорог, составлял частицу его собственного «я»» [1; с. 50].

Ещё в юношестве в монастыре он занимался музыкой (играл на виолончели) и латинским языком. А с тонкостями схоластической логики и диалектики он познакомился в семинарии. По словам Шада, в семинарии упражняли память в ущерб развитию ума: изучали синтаксис в латыни, а не классическую мудрость. В монастыре, где он пробыл 21 год, его учили, что всякое проявление собственного ума и собственной воли есть грех. Но именно «с этого времени чтение классиков и музыка сделались любимыми занятиями Шада» [7; с. 4]. В юности он мечтал стать святым и учёным.

Логике Шад отводил центральное место в своих работах. Логика была пронизана идеей свободы в европейском её понимании. Он считал, что сущность, цель и дух его философии и всех его занятий нашли своё объяснение в работе «*О свободе человеческой способности мыслить*», которая была

написана с дозволения философского факультета Харьковского университета по случаю производства одного из магистров факультета в доктора: «в действиях человеческой способности мыслить владычествует свобода» [2; с. 103]. В Харькове Шад также издал большой труд «*Чистая и прикладная логика*» (*I. Schad. Institutiones philosophiae universae. Tomus I. Logicam puram et applicatam complectens, Charkoviae, 1812*).

Когда с 1812-го года в Российской империи в годы царствования императора Александра I началось гонение против всего иностранного, это обратилось реакцией в области высшего образования. Министерством Народного Просвещения в лице графа А. К. Разумовского, которое проводило политику репрессий, в 1815 году было предложено Совету Харьковского университета «возводить в адъюнкты только одних русских учёных, но отнюдь не иностранцев, чтобы таким образом все кафедры перешли к русским преподавателям» [1; с. 41]. Это обострило отношения между русскими и иностранными профессорами в Харьковском университете. В 1816 году по доносу проф. И. Б. Шад был лишён профессорской должности и выслан из Харькова.

Следует также отметить, что подобная участь постигла не только Шада. По воспоминаниям Д. И. Багалея, когда в 1817 году министерство народного просвещения было преобразовано в министерство духовных дел и народного просвещения и при нём учреждён учёный комитет, в обязанности которого входило «рассмотрение книг в духе спасительного согласия между верою, знанием и властью» [2; с. 144], этим комитетом были осуждены некоторые книги известных философов России, в том числе и «*Логические наставления*» Петра Лодия. Эта книга доносчиком (попечителем Казанского учебного округа Магницким) характеризовалась как «исполненная наиболее небезопасных по своей нечестивости разрушающих начал» [13; с. 134]. Багалея называет эту акцию «походом против естественного права и наук», в число которых попала и логика.

Сочинения И. Б. Шада о естественном праве, так же точно как и его «Логика», представляли собой не столько учебник, сколько научный трактат, изложенный в форме систематического курса. Он несколько раз устно излагался студентам, а затем был напечатан [2; с. 146]. Об этом писал не только Багалея, но и Ф. А. Зеленогорский. В отличие от раннего шелленгианства, в логике и автобиографии (которая была написана самим Шадом) есть серьёзная претензия на самостоятельную попытку философствования. По словам Зеленогорского, в предисловии к своей логике, изданной в 1812 году, он (Шад) говорит: «в чистой логике я не мог следовать никакому руководителю (*nullum ducem sequi potui*); мне нужно было проложить совершенно новый путь, опираясь единственно на собственные идеи (*mihi, solis meis ideis innixo, nova prorsus via erat pergrumpeuda*)». Так как, по его убеждению, составившемуся у него, как сам он говорит, после чтения и разбора главнейших философов всех веков, «причиной разногласий и споров между философами служит превратное истолкование логики и её законов, то он своим опытом новой логики желал оказать добрую услугу не одной только логике, но и всей философии (*non solum de logica sed etiam de universa philosophia bene mereri*)» [7; с. 162].

Гонения на Шада также непосредственно связано с его трудом по логике. Шада обвинили в том, что его ученик Гриневич в своей диссертации дословно изложил идеи Шада из неизданных записей, и эти же мысли повторялись в труде Шада по логике. Шад был выслан обратно в Германию без содержания.

В Германии была написана ещё одна его работа – «*Transcendentale Logik*». Видимо, в значительной степени благодаря идеям, изложенным в этой работе, в современной ФРГ И. Б. Шада относят к представителям трансцендентальной философии.

Необходимо отметить, что у истоков Харьковского университета мы обнаруживаем логические исследования не только представителей философского факультета. **Иван Степанович Рижский**, первый ректор Харьковского университета, имел широкий круг научных интересов. И, хотя главной сферой его научных исследований была лингвистика, в число его

фундаментальных работ входит также работа «Умословие или умственная философия», посвящённая проблемам теории познания и логики. Особое внимание в ней уделяется формам мышления и индукции [13; с. 126]. Профессор **Тимофей Фёдорович Осиповский**, который заведовал кафедрой математики, а с 1813 по 1820 г.г. был ректором Харьковского университета, в 1805 году перевёл на русский язык «*Логику*» французского мыслителя Е. Кондильяка [13; с. 195].

Значительный вклад в историю развития логики в Харьковском университете внёс **Павел Эмилиевич Лейкфельд**. Будучи в должности приват-доцента Харьковского Императорского Университета, Павел Эмилиевич Лейкфельд защитил магистерскую диссертацию «*Различные направления в логике и основные задачи этой науки*». Рецензия на диссертацию была дана профессором из Варшавы Г. Струве. В 1890 году эта рецензия была опубликована.

В своей рецензии профессор Струве отмечал, что есть разногласия относительно предмета логики, характерные для всех философских наук, и значение монографической работы Лейкфельда в том, что он проясняет и критически осмысливает этот вопрос. С этой целью Лейкфельд и рассматривал различные направления в логике.

В этой работе Лейкфельд традиционно исходит из необходимости определения предмета и задач логики и из определения средств и способов познания вещей. Струве, анализируя работу Лейкфельда, выделяет как наиболее значимые следующие основания в его исследовании. А именно, с точки зрения определения предмета: а) формальное направление (логика как наука о правильном мышлении); б) метафизическое направление (логика как наука об основных началах всеобщего бытия) и в) ноэтическое направление (логика как теория познания).

Различия между этими направлениями весьма существенны и сохраняют свою значимость также для современной логики и понимания исторического формирования логики как философской дисциплины.

Формальная логика определяет условия и нормы правильности процессов или форм мышления. Но она не рассматривает вопрос о значении правильного мышления для познания вещей и не даёт гарантий объективной истинности наших мыслей, поскольку отвлекается от смысла. Следовательно, как отмечает Г. Струве, формальная логика остаётся «только в сфере субъективного согласования форм мышления между собою и исключает из своих пределов разбор отношения этих форм мышления к данным предметам знания, вообще к объективности. Так называемая математическая логика и различные теории философского субъективизма суть в сущности только видоизменения этого формального воззрения на предмет и задачи логики» [14; с. 2].

Представители *метафизической логики* занимают иную позицию, в основе которой – тождество мысли и бытия. Бытие (даже самое объективное) представляет собой идею мысли. Мысль, идея составляют единственно действительное бытие, доступное для человеческого ума. Отсюда следует, что наука о мышлении является наукой о всеобщем бытии. Изучая нормы мышления, человек изучает основные законы всеобщего бытия, объективности. Метафизическая логика не обращает внимания на субъективный, индивидуальный характер мышления. Таким путём происходит полное отождествление логики и метафизики.

Поэтическое направление определяет логику как теорию познания. Она имеет синтетический характер, объединяя субъективное и объективное начала познания. Отсюда, формальная правильность мышления – это только одно из условий истинного познания вещей. Но формальная правильность ещё не гарантирует истинности. Поэтому логика должна заниматься анализом отношения формального мышления (как средств познания) к объективному бытию (как предмету познания).

С точки зрения средств и способов познания истины различают другие направления в логике. К средствам познания относятся: интуиция (непосредственное внутреннее чувство), внешнее чувство, опыт и наведение (обобщение), разум (или логическая деятельность ума). На этом основании

различаются следующие направления в логике: мистическое, сенсуалистическое, эмпирическое (индуктивное) и рациональное (дедуктивное).

В отзыве также отмечается широкая эрудиция и критическое мышление Лейкфельда. В частности, Струве отмечает как наиболее интересные критические рассуждения в отношении учений Канта, Бэнеке, Лотце, Рабье и др. Он согласен с Лейкфельдом в том, что Аристотель не был представителем формальной логики в узком смысле слова, т. к. у Аристотеля логика – это «органон», аналитика познания. Особенно, по мнению Струве, заслуживает внимания историко-литературная часть описания Лейкфельдом математической логики.

В целом, позитивно оценивая логические исследования П. Лейкфельда, варшавский философ обращает внимание читателя на значение логики в университетском образовании, на то, как логика способствует успешному изучению философских дисциплин. По его мнению, преподаватель философских наук «должен стремиться к возможно точному и систематическому изложению изучаемого предмета» [14; с. 16], и этой точности и систематичности изложения и изучения философских дисциплин способствует качественное преподавание и изучение логики.

В 1898 году была опубликована новая работа П. Лейкфельда «*Математическая формула для определения вероятности гипотез в её приложении к научным построениям*», [10] а в 1906 году – работа «*О гипотетических суждениях*» [11]. К этому времени Павел Эмилиевич Лейкфельд был в должности экстра-ординарного профессора Харьковского университета.

В работе «*Математическая формула для определения вероятности гипотез в её приложении к научным построениям*» Лейкфельд продолжил свои исследования в области логики. Главной целью было рассмотрение возможности использования математической теории вероятности при построении научных гипотез. Своё исследование он соотносил с современными ему работами немецкого философа Гиллебранда, в частности, с работой «*Zur*

Lehre von der Hypothesenbildung. Sitzungberichte der philosophisch-historischen Classe der Akademie der Wissenschaften» (Wien, 1896. Bd. CXXXIV). Однако Гиллебранд, как отмечает Лейкфельд, сосредоточил своё внимание на том, «чтобы с помощью подобного мерил взвесить правило, которое предписывает брать для объяснения явлений «*veras causas*»» [10; с. 2].

Лейкфельд также касается вопроса о применении дедуктивных построений при построении гипотез. «Наиболее элементарный способ проверки гипотез, когда ограничиваются тем, что сравнивают дедуктивные выводы из предположения с наблюдаемыми фактами, не приводит к желанным результатам. Выводимость фактов ещё не доказывает построенной гипотезы» [10; с. 6]. Он спорит с Гиллебрандом, который считает априорную вероятность всякого рода «метафизических объяснений» (например, предположение относительно флогистона, которое активно обсуждалось в те годы) равной нулю, и утверждает, что все подобные гипотезы следует отвергнуть.

В дальнейшем Лейкфельд стал рассматривать возможные суждения в качестве *проектов суждений* [11].

Проф. **Фёдор Александрович Зеленогорский** работал на кафедре философии Харьковского университета с 1874 года по 1899 год, после чего был выведен за штат в звании заслуженного ординарного профессора [3; с. 209].

В 1877 году в Харькове была опубликована работа Ф. А. Зеленогорского «*О математическом, метафизическом, индуктивном и критическом методах исследования и доказательства*» [5]. В этой работе он исследовал историю появления логики в ряду других наук, оценку значения логики философами интуитивной (метафизической) школы (Канта и Гегеля) и индуктивной школы (Бэкона, Догальда Стюарта, Д.-С. Милля). Отдельно подробным образом Зеленогорским были исследованы различные логические методы. *Геометрический метод* как метод элеатских мыслителей и древних геометров, происхождение первого из последнего (Платон, Декарт), важность и значение изобретения геометрического метода (синтеза и анализа) для наук вообще и философии. *Метафизический метод* изучался как происшедший из

геометрического, затем обособившийся и приобретший свои основания. Здесь же исследуются и законы человеческого разума (законы тождества, противоречия, исключённого третьего и достаточного основания). В самостоятельной главе рассматривается логика Аристотеля: зависимость его логических трактатов («Топики», «Первой и Второй аналитик») от логических методов предшественников (теория родов и видов у Сократа и Платона). Затем Зеленогорским изучается творчество Бэкона как философского реформатора на основании работы «*Novum Organum*», приёмы индуктивного метода Бэкона. Рассматривается также употребление индуктивного метода в нравственных науках и достижения ближайших последователей Бэкона (Лондонского королевского общества естествоиспытателей, Бойля, Гассанди и др.). Вслед за Бэконом подробно изучается происхождение метода Декарта, его «*Discours de la méthode*». Правила метода, его психологические основания, применение. Затем – учение Гоббса о методе, преобразования схоластической логики, логика Порт-Рояля, логические учения Бернулли, Кондильяка и других французских философов. Особое внимание уделяется «Правилам философствования» Ньютона, сходству методов Локка с методами Ньютона, учению Локка об аналогии. Формирование логического метода XVIII столетия: метод Гертли и его «Теория вибраций», метод Пристли и др. Метод французских писателей Далямба, Кондильяка, Гельвеция, Деляметри, Бонне, Лавуазье, Линнея и Жюссье. Отдельно рассматривается происхождение критического метода: учения Гоббса, Локка, Беркли, Юма. А также прирождённый индуктивный принцип по учению шотландских философов Рида, Догальда Стюарта, Броуна. Заключает работу изучение наблюдения и опыта. Зеленогорский описывает стремление к обособлению индуктивного метода от математики. Исследует значение наблюдения, эксперимента и метода исключения, даёт сравнительный анализ наблюдения и эксперимента в научных исследованиях, а также учений Гершеля и Д.-С. Милля.

В 1879 году в январском номере «Критического обозрения» была опубликована критическая статья профессора Троицкого, в которой

обсуждались идеи труда Зеленогорского «О математическом, метафизическом, индуктивном и критическом методах исследования и доказательства» (1877). В том же году Ф. Зеленогорским был опубликован «*Ответ профессору Троицкому*», где он называет свою книгу исторически исследованием по логике и высказывает несогласие с критикой.

В своей работе «*О преподавании философии в университете*» [8] Зеленогорский отмечал, что формирование системы преподавания философских дисциплин в Харьковском университете проходило не просто. В частности, он писал: «Незавидное положение занимала и занимает философия в наших университетах. С введением кафедры философии по университетскому Уставу 1863 года нельзя сказать, чтобы дружелюбно встречено было это нововведение в преподавание университетских курсов. С одной стороны, явилось опасение, чтобы с кафедры не стали открыто проповедовать под той или другой формой материализм и подрывать основы религии; с другой стороны, явилась боязнь, что в лице преподавателя философии является в университет помощь преподавателю теологии. Как бы то ни было, только по новому университетскому Уставу 1884 года преподавание философии в университете сведено было на одно лишь чтение творений Платона и Аристотеля. К счастью, это продолжалось недолго, и чтение философских курсов было восстановлено в университете. Что же полагается читать в университете по философии? Формальную логику, описательную психологию и историю философии» [8; с. 1]. Ситуация с преподаванием философских курсов, возникшая из идеологических опасений, на самом деле негативно влияла на просвещение людей. Зеленогорский подчёркивает, что подобное отношение со стороны властей привело к тому, что университетское преподавание философских курсов (в том числе, логики) не могло в достаточной степени влиять на духовное развитие общества. Пожалуй, вечной проблемой составления учебных программ было соотнесение их с увлечениями интеллигентного русского общества в области философии. В этом смысле, эти увлечения не входили в программу преподавания философии в университете. С другой стороны, как отмечал

Зеленогорский, преподавание философских курсов в университете велось на историко-филологическом факультете, на котором обычно училось наименьшее количество студентов (всего два-три десятка). «Понятно, – пишет Зеленогорский, – что русское интеллигентное общество оставалось, собственно говоря, без философского образования» [8; с. 2].

Таким образом, в связи с ограниченным изучением истории философии и совершенной не изученностью современной западноевропейской философии, а также в связи с неразвитостью соответствующей философской культуры мышления (логики), не могло развиваться и критическое отношение к западной философии и новым философским системам. «В умах наиболее развитых и научно образованных нередко можно было встретить смешение позитивизма Конта с материализмом Бюхнера и эволюционизмом Спенсера и Дарвина. Конечно, вследствие того же отсутствия философского образования так легко и быстро сменялись в публике увлечения различными философскими направлениями, появившимися в заграничной философской литературе» [8; с. 2]. Печально то, что пренебрежительное отношение к философской эрудиции и логике привело в результате к тому, что в Харьковском университете должной силы не смогло набрать то необходимое философское самопознание, т. е. познание реалий российского общества, которое было так необходимо (хотя и не осознаваемо) самому обществу.

Вследствие этого, недостижимым авторитетом для Зеленогорского остаётся западноевропейский университет с его организацией философского образования. Ведь там, по словам Зеленогорского, «стремятся к тому, чтобы общие философские курсы, как-то: логика, психология, метафизика и этика читались не одним студентам историко-филологического факультета (какового там нет), а всем студентам философского факультета (Германия), в который входят кроме гуманитарных наук науки математические, механика, физика, химия, биология со всеми их отраслями и конкретными науками» [8; с. 3].

В советский период отношение к логике резко изменилось. Так и не найдя в системе отечественного образования достойного места, логика оттесняется в

разряд второстепенных дисциплин. Многие годы логика читается только в высших партшколах и на юридических факультетах (институтах). В науке логике происходит реакция, обусловленная вмешательством советской идеологии. На Украине в 50-е годы ведутся споры относительно формальной и диалектической логики с позиций материалистической диалектики, которые практически ни к чему позитивному так и не привели. Кроме того, «под формальной логикой неизменно имелась в виду аристотелевская логика, в то время как по адресу математической логики выдвигались грубые и бессмысленные обвинения... Трудности в развитии философской науки были вызваны и теми обстоятельствами, которые сложились в области логики... Некоторые украинские авторы, как и другие советские философы, прямо декларировали «вред математической логики», как науки, представители которой не только «отбрасывают традиционную логику, логику Аристотеля», а и ведут к тому, что «разум мыслящий подменяется разумом исчисляющим»» [13; с. 502–503]. В послевоенные годы логика, согласно марксистско-ленинскому учению, развивалась в единстве с диалектикой и теорией познания в марксистской философии.

Таким образом, в истории Харьковского университета в дореволюционный период начала складываться научная традиция логических исследований. И, хотя харьковские философы высказывали неудовлетворённость относительно организации системы философского образования и места логики в ней (сравнивая отечественную систему образования с немецкой моделью, признанной в Европе), тем не менее, на кафедре философии проводились научные исследования в области логики. Главными направлениями в этой работе были: переосмысление предмета логики, исследования в области истории логики для определения тенденций развития европейской логики, анализ возможностей математизации индуктивного метода и научной гипотезы, а также различные аспекты логического знания применительно к философской методологии. К сожалению,

эта традиция была насильственно прервана, так и не получив своего дальнейшего развития.

Литература

1. Багaley Д. И. Опыт истории Харьковского университета. Т. 2. – Х., 1904. – 1104 с.
2. Багaley Д. И. Удаление профессора И. Б. Шада из Харьковского университета. – Х., 1899. – 147 с.
3. Голиков С. А. А. Ф. Зеленогорский об особенностях развития древнегреческой философии / С. А. Голиков // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. № 474'2000. Філософські перипетії. Серія: філософія. – Х., 2000. – С. 209-214.
4. Голиков С. А. Возникновение университетской философии в Харькове и религиозный контекст / С. А. Голиков // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. № 547'2002. Філософські перипетії. Серія: філософія. – Х., 2002. – С. 31-34.
5. Зеленогорский Ф. А. О математическом, метафизическом, индуктивном и критическом методах исследования и доказательства. – Х., 1877. – 245 с.
6. Зеленогорский Ф. Ответ профессору Троицкому. – Х., 1879. – 13 с.
7. Зеленогорский Ф. А. Ив. Г. Шад. – Х. – С. 160-169.
8. Зеленогорский Ф. А. О преподавании философии в университете. – Х., 1902. – 8 с.
9. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. Изд. 2-е, испр. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
10. Лейкфельд П. Э. Математическая формула для определения вероятности гипотез в её приложении к научным построениям. – Х., 1898. – 7 с.
11. Лейкфельд П. Э. О гипотетических суждениях. – Х., 1906. – 25 с.
12. Лодий П. Логические наставления. – С.-Пб, 1815. – 480 с.
13. Нарис історії філософії на Україні. – К.: Наук. думка, 1966. – 656 с.

14. Отзыв проф. Г. Струве о магистерской диссертации приват-доцента Императорского Харьковского Университета П. Лейкфельда «Различные направления в логике и основные задачи этой науки». – Х., 1890. – 17 с.